

ПЕТАР БОЯНИЧ (СЕРБИЯ)*

МОИ КРОВЬ И КУЛЬТУРА

Аннотация: В этом кратком тексте, написанном в честь нового издания книги Валерия Савчука «Кровь и культура», я хотел бы раскрыть значимость этой книги и, в частности, главы о жертве, сыгравшей для меня важную роль при написании докторской диссертации. Связь между жертвоприношением, насилием и кровью действительно является центральной темой книги Савчука. Моя позиция заключается в том, чтобы проблематизировать наше отношение к жертвоприношению и статус его эффективности — как одной из важнейших составляющих этой институции.

Ключевые слова: кровь, жертва, культура, насилие, остаток.

PETAR BOJANICH (SERBIA)

MY BLOOD AND CULTURE

Annotation: In this brief text, written in honor of the new edition of Valery Savchuk's book «Blood and Culture», I would like to present the significance this book, and specifically the chapter on sacrifice, had when I was writing my doctoral thesis. The connection between sacrifice, violence and blood is indeed the central theme of Savchuk's book. My contribution to this topic is to problematize our positions on sacrifice and the status of efficiency of sacrifice, as one of the main components of this institute.

Key words: blood, sacrifice, culture, violence, remainder.

Я хотел бы вначале поблагодарить Сергея Троицкого и других организаторов за приглашение участвовать... точнее, спасибо Сергею, что он мне позволил самому себя пригласить приехать и отдать должное другу, которого я знаю двадцать лет, и книге, которая сыграла большую роль в написании моего доктората.

* *Боянич Петар*, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет.

Я просто не мог пропустить эту возможность. Книгу я купил в парижском книжном магазине в 1995 году и, к несчастью, потерял, а затем нашел телефон Валерия, и он прислал мне ее. Так началась наша дружба. Книгу я получил во время бомбардировки Сербии в марте 1999 года, и в посвящении было написано: «с пожеланием полнокровной жизни» (а на 34 странице Савчук говорит о жизни и полнокровии).

У меня сразу возникают два замечания: первое, не могу забыть некоторые выражения на иврите, в которых кровь и жизнь полностью тождественны по значению: пожелание кому-либо жить, или если ты желаешь кому-то хорошей жизни, косвенным образом означает, что вы даете ему кровь, собственную кровь, нечто, для него нужное, делаешь его полноценным; второе, «полнокровие» часто упоминается как атрибут хорошей наследственности, благородного происхождения, а так же в контексте животного, приготовленного для жертвоприношения, которого заколят и съедят именно потому, что оно здорово и полноценно.

Если ты полнокровен, ты готов к тому, чтобы пожертвовать собой, или что тебя принесут в жертву. Жертвоприношение появляется в описании этой книги на второй странице («жертвенное условие возникновения культуры») и тут же в Предисловии на третьей странице («культура открывает себя в момент первого жертвоприношения»).

Сейчас я себе позволю небольшое отступление перед тем, как объяснить, как Савчук толкует жертвоприношение, почему для меня это было важно и почему даже сегодня я возвращаюсь к этой книге. Его тематизация крови, которую я нашел еще в одной книге и статье, привела к тому, что я никогда не пожелал ничего писать о крови. В присутствии такой комплексной книги или, к примеру, книги Гил Анидьяр *Blood* (2016 года), любые желания писать на эту тему исчезают. Конечно, всегда чего-то не хватает. К примеру, в главе «Жертва» (стр. 60–73) не упоминается так называемое бескровное жертвоприношение, о котором говорит Бенъямин Вальтер в статье «*Kritik der Gewalt*». Тем не менее, тем или иным способом, Савчук (а это особо подчеркнуто в обосновании или описании этого симпозиума) постоянно оказывает сопротивление «бескровию» или «бескровности».

Что я подразумеваю под жертвоприношением? Меня интересует механизм или даже серии действий, которые оно означает. Жертвоприношение меня интересует, как убийство или физическое уничтожение, как исчезновение

в чем-то или ради чего-то еще. Можно ли исчезнуть в чем-то другом — в другом имени, в имуществе, системе, правосудии, в Боге? Можно ли перейти (к примеру, границу смерти), жертвуя собой или чем-либо (кем-либо), или овладевая умением жертвовать?

Жертва или жертвоприношение предполагают попытку редуцировать пространство, обозначить и оградить его, исключить все те элементы, которые усложняют и оскверняют компактность сообщества или находятся извне и угрожают сообществу. Жертвовать значит исключить, обезличить, «отнять имя» и в каком-то смысле прикрыть смерть и следы смерти. Парадоксально, жертвоприношение аннулирует пространство, но одновременно дает время в попытке предупредить смерть.

С помощью жертвы или жертвоприношения возможно представить себе идею «остатка» (неуничтожимого, не приносимого в жертву), которого нельзя заколоть, проглотить, съесть, стереть и забыть. Близость дающего и принимающего смерть, неотделимость палача от жертвы (единство того, кто сам себе наносит смерть), невозможность провести границу между их телами предвещает новое пространство, безгранично сложное, которое невозможно отменить разделением и отторжением. Для меня фигура жертвоприношения, в употреблении Гегеля и с той разницей, которую он видит между «*Opfer*» и «*Aufopferung*», сыграла ключевую роль в расшифровке его метода и стратегии написания его научных трудов, в которых процессом отмены категорий и включения одних категорий в другие объясняется движение истории.

По Савчуку, кровь становится остатком, который нельзя скрыть, несмотря на эффективность жертвоприношения. Поэтому я думаю, что два предложения из главы «Жертва» (первое на стр. 63: «жертва условие бытия культуры», и второе на стр. 67: «жертва — условие существования культуры») показывают, что Савчук предпочитает древние, римские и греческие версии убийства или жертвоприношения (в противоположность еврейской традиции или исламу, где кровь прячется, проливается на землю в процессе заклания животного).

Что означают эти два предложения Савчука? Жертва — это условие существования «Мы» (это культура; на стр. 63: «реально существуют “Мы”»). Группа создается вокруг жертвоприношения, так же как и «рабочий класс» создается сталинской риторикой о приношении в жертву (его предложение появляется в начале главы на стр. 60).

Итак, первый протокол обеспечивает существование сообщества, поскольку его члены вместе убивают и творят насилие (поэтому жертвоприношение эффективно). Согласно второму протоколу, жертвоприношение гносеологически оправданно, потому что оно создает общую веру (иногда это и социальное знание, а не только вымысел) что действительно существуют связи между фактами и действиями (в основном экономические: если мы сделаем это, получим вот это; если мы дадим мало, получим больше, *pars pro toto* и т. д.). Только «Мы», Сообщество, или культ, или культура обеспечивают появление такого (псевдо-)знания.